

Они стояли очень близко, и дыхание собеседника оведало шею, вызывая легкий зуд — так и хотелось протянуть руку и почесаться.

Но исходивший от Наставника богатый аромат сандала мгновенно успокоил его взволнованные мысли.

Когда Бессмертный Владыка Цинчэнь убрал руку, он шумно выдохнул и произнес: — Наставник, ученик пришел с повинной!

— С повинной? — Бессмертный Владыка Цинчэнь протянул эти два слова с вопросительной интонацией, явно не понимая, с чего вдруг зашла речь о раскаянии.

Лю Фэнмянь с громким стуком опустился на колени на холодные белоснежные нефритовые плиты и, опустив голову, перечислил свои грехи: — Будучи Старшим Учеником, я не только не заботился о Младшем Соученике и не помогал ему, но напротив — постоянно притеснял его. Ладно бы дело ограничивалось словесными нападками, но я под предлогом совместных тренировок вызывал его на поединки, а на самом деле ранил Хэ Жунфэя. Прошу Наставника сурово покарать меня!

— Ученик был глуп и мал годами, совершив все эти ошибки. Последние дни я места себе не нахожу, ворочаюсь ночами, и совесть просто не дает мне покоя!

Произнося это, Лю Фэнмянь говорил абсолютно искренне. Теперь он — тот самый Лю Фэнмянь из книги: всё, что было содеянно прежде, совершил не он, но отрицать этого нельзя. Он — Старший Ученик, и вся вина падает на его голову.

В этот момент он гадал, станет ли Бессмертный Владыка Цинчэнь строго наказывать его из-за Младшего Соученика, а то и вовсе прогонит с Пика Охвата Луны?

Наставник никогда особенно не вникал в отношения между своими подопечными, но за проступки всегда карал сурово.

Однажды такое уже случилось: он вместе с учениками внешней секты затеял драку из-за редчайшего цветка, небывалого чуда природы, которое они не поделили с воспитанниками соседнего пика Чанхэ, за что в итоге угодили в темницу на несколько месяцев.

Обида и притеснение соученика — штука куда более серьезная. Ох, неужто ему конец?

Лю Фэнмянь прикусил нижнюю губу. Была не была — он уже отбросил все сомнения и теперь просто ждал приговора Наставника.

Долгое время Бессмертный Владыка Цинчэнь молчал, сжав губы в тонкую линию, а затем глубокомысленно изрек: — Попроси прощения у Младшего Соученика, узнай, как он желает

всё уладить, придумай способ загладить вину, а во-вторых — отправляйся на несколько дней в темницу.

— Хорошо... — растерянно кивнул он, мысленно повторив слова Наставника, и вдруг резко поднял голову, широко распахнув глаза от изумления.

Э-э-э???

И... всё?

Наставник, с вами что-то не так, совсем не так!

Разве его не должны были сурово наказать? Как ни посмотри, это чистой воды проявление фаворитизма, отчего у него самого на душе скребли кошки!

— Наставник, но ведь... — замялся Лю Фэнмянь, раздумывая, не попросить ли Наставника наказать его как следует еще раз.

Бессмертный Владыка Цинчэнь нахмурился, ему явно не нравилось, что ученик продолжает стоять на коленях, и он попытался поднять его. Лю Фэнмянь же, чувствуя себя крайне польщенным, поспешно отдернул руку и поднялся сам.

Как он мог утруждать Преподобного Цинчэня тем, чтобы тот поднимал его с колен? Увидь это кто посторонний — глаза бы на лоб полезли от удивления. С какой стати наставнику поддерживать ученика? Тем более такому неприступному и чистому, словно цветок лотоса на снежной вершине, Бессмертному Владыке Цинчэню! Если бы другие заклинатели узнали об этом, его бы взглядами заживо сожрали.

Получив отказ — уже во второй или третий раз, поданный настолько искусно, что и не подкопаешься, — облаченный в одежды истинного бессмертного Преподобный Цинчэнь холодно прищурился: — Раз больше дел нет, ступай!

Бросив эти слова, Бессмертный Владыка Цинчэнь собрался уходить, но Лю Фэнмянь в испуге схватил его за руку.

Его собственные прохладные пальцы переплелись с теплыми, гладкими, словно теплый нефрит, пальцами Лю Фэнмяня. Рука Наставника была холодной, как ледышка, под стать всему его облику.

Для Бессмертного Владыки Цинчэня, которого еще никогда в жизни никто не брал за руку, это тепло в ладони ощущалось странно — словно по коже забегали бесчисленные крошечные лапки, вызывая щекотку и приятное томление.

Он действительно... больше не прежний человек.

За добрый десяток лет чужие привычки, манера поведения, тон и отношение к окружающим не меняются так просто. Особенно заглянув в те чистые и ясные глаза, он увидел совершенно другую душу.

Воля Небесного Пути неисповедима, против нее не пойдешь: раз уж так случилось, значит, так тому и быть.

Цин Чэнь обернулся, и на смену отстраненному выражению пришло мягкое. Он спросил стоявшего чуть ниже ученика: — Что-то еще?

По сравнению с только что ледяным Наставником, нынешний казался куда более мягким и сговорчивым.

Набравшись храбрости, Лю Фэнмянь произнес: — Наставник, я хочу переселить Младшего Соученика в другое место. Его прежнее жилище холодное и глухое, к тому же у него слабое здоровье. Прошу Наставника дать на это свое дозволение.

И снова всё ради этого младшего ученика — Хэ Жунфэя.

Лицо Бессмертного Владыки Цинчэня оставалось безмятежным.

С тех пор как он случайно подобрал того осиротевшего ребенка с разрушенной судьбой и одаренными способностями, приняв в личные ученики, они виделись так редко, что пальцев одной руки хватило бы пересчитать все встречи.

Если подумать, он не самый лучший наставник.

Бессмертный Владыка Цинчэнь смотрел на него своими фениксовыми глазами, затаив в глубине взгляда нечто такое, чего Лю Фэнмянь не мог понять.

Бессмертный Владыка Цинчэнь отдал распоряжение: — Поступай так, как считаешь нужным.

— Тогда, Наставник, вы не могли бы исполнить еще одну мою последнюю просьбу? — бесстыдно продолжил Лю Фэнмянь.

Он определенно перегибал палку, ему даже захотелось дать себе пощечину. Но раз уж Наставник сейчас так благосклонен, упускать момент было нельзя!

Лю Фэнмянь подумал, что образ Наставника дал трещину из-за отклонений от характера, а

может, попаданцы и впрямь способны влиять на изначальный сюжет. Что ж, тем лучше! Наладить отношения с Наставником и заставить его чаще проявлять заботу и нежность к Младшему Соученику — задача вполне выполнимая.

Бессмертный Владыка Цинчэнь кивнул: — Говори.

Получив желанный ответ, Лю Фэнмянь расцвел в улыбке и чуть приподнял подбородок.

Встретившись взглядом с мягкими фениксовыми глазами Преподобного Цинчэня, он искренне произнес: — Надеюсь, в будущем Наставник станет уделять Младшему Соученику больше заботы. Он у нас молчаливый и робкий, и хотя носит статус личного ученика, на деле даже ученикам внутренней секты уступает — те вечно третируют его.

Среди цветочного дождя молодой мужчина в белых одеждах был прекрасен, словно ожившая картина, а его лучезарная улыбка сияла в тысячу раз ярче распустившихся в полной красе цветов бегонии.

Ребенок, которого он некогда подобрал, незаметно вырос и превратился в изящного юношу.

На мгновение Цин Чэнь замер, очарованный этой улыбкой, а затем его белая рука протянулась к голове юноши, и указательный палец слегка коснулся яркой киноварной родинки между бровей, выражая некое беспомощное смирение.

— Пусть будет по-твоему, займись этим обустройством. — В его голосе прозвучала нотка баловства, которую было почти невозможно заметить.

Лю Фэнмянь слегка взволновался: неужели добиться согласия Наставника было так просто?

Он отвесил почтительный поклон, и в его голосе зазвучала легкая беззаботность: — Благодарю Наставника! Тогда я отправлюсь в темницу, а когда выйду, обязательно как следует извинюсь перед Младшим Соучеником.

Цин Чэнь молча кивнул в знак согласия.

Наконец-то удалось отделаться от этого Наставника. Дальше предстояло разобраться с Младшим Соучеником — персонажем куда более сложным, но, судя по собственному знанию характера героя, которого он же и создал, справиться с Хэ Жунфэем не составит труда.

Лю Фэнмянь ускорил шаги, направляясь прямым ходом к темнице.